

ВОСПРИЯТИЕ КОРРУПЦИИ И КОРРУПЦИОННЫЙ ОПЫТ
НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ:
ЧТО МЕНЯЕТСЯ В СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ ГРАЖДАН?

Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. (Барнаул)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ результатов мониторинговых исследований в Алтайском крае, проведенных сотрудниками Института социальных наук Алтайского государственного университета в рамках реализации социально значимого проекта «Гражданское общество против коррупции» в 2018 и 2019 гг. (общая выборочная совокупность составила 2369 человек, опрошенных в городах и сельских поселениях региона, возраст опрошенных – от 15 до 75 лет). На основании полученных данных рассматриваются устойчивые характеристики общественного мнения о коррупции, описываются тенденции изменения оценок ситуации с распространением коррупции в стране и регионе, уровня коррумпированности государственных и общественных институтов, анализируется опыт вовлеченности населения в коррупционные практики.

Ключевые слова: восприятие коррупции, антикоррупционная политика, коррупционный опыт, бытовая коррупция, общественное мнение, факторы распространения коррупции.

Коррупция является не только важнейшей глобальной проблемой и препятствием на пути к устойчивому развитию и другим важным целям человечества, таким как сокращение бедности, защита окружающей среды и прав человека, поддержка безопасности и борьба с терроризмом и организованной преступностью [8]. Это проблема, затрагивающая фундаментальные основы нашего общества, пронизывающая все его подсистемы и уровни. Не случайно политико-лингвистические исследования показывают, что метафорическая репрезентация коррупции отражает все основные виды деятельности и человеческие потребности, коррупция не только персонифицируется и наделяется чертами живых и фантастических существ, она представляется

как «самый главный враг», «паразит», «коварное зло», «страшная чума», «наркотик», «болезнь», «сорняк», ее генерализованный образ включает такие атрибуты как безудержность, вездесущность, всепроникающая способность [9, 11]. В общественно-политических и научных размышлениях коррупция часто представляется как непреодолимая, в ее восприятии часто присутствуют элементы обыденности, повседневности и даже необходимости. Она описывается как некий отлаженный, хорошо защищенный и практически бесперебойно функционирующий механизм, эксплуатирующий несовершенства систем регуляции общественных процессов и слабости социальных институтов [1], против которого практически бессильны как репрессивные, так и либеральные меры [2].

Коррупция «ожесточенно сопротивляется» и «не сдает позиций», ее основными символическими «жертвами» становятся морально-нравственные, ценностные и правовые основы общества, а реальными – наиболее уязвимые социальные группы населения, у которых коррупция отнимает и без того низкие шансы повысить свой уровень жизни и социальный статус. Именно в социальной сфере наиболее ярко проявляется порочный характер коррупции, виновной в недостаточно быстром и зачастую неэффективном решении жизненно важных социальных проблем здравоохранения, социального обеспечения, сферы ЖКХ и других [6, с. 91]. Многочисленные исследования показывают, что контроль за коррупцией (или его отсутствие) и качество управления оказывают значительные эффекты на большинство показателей социального благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью, социального доверия [12; 13, с. 5]

Несмотря на прогрессирующий пессимизм, в глобальной практике последних десятилетий наблюдается поворот в сторону открытого признания существования и негативных последствий коррупции (в том числе такими влиятельными международными институтами, как Всемирный банк), необходимости согласованных и систематических действий по повышению эффективности систем государственного и коммерческого менеджмента на основе принципов честности, уважения закона, подотчетности и прозрачности действий лиц, занимающих руководящие должности, повышения роли участия гражданского общества в осуществлении антикоррупционной политики [10].

Россия следует международному курсу, являясь активным членом международных рабочих групп по борьбе с коррупцией,

функционирующих в рамках АТЭС, G-20, БРИКС, участвуя в деятельности Международной антикоррупционной академии. Разработка и планомерное осуществление национальных планов по борьбе с коррупцией, преемственность, постепенное расширение и уточнение комплекса антикоррупционных мер, субъектов и направлений деятельности свидетельствуют о непреклонности и последовательности правительственного политического курса, который, между тем, далек от совершенства. Экономические потери от коррупции по-прежнему измеряются миллиардами рублей, и это – только по результатам выявленных нарушений в ходе реализации национальных проектов и осуществления государственных и муниципальных закупок, эти суммы с каждым годом только увеличиваются, как свидетельствуют отчеты Совета безопасности и Счетной палаты Российской Федерации [3, 4, 7]. Моральные и репутационные потери власти наиболее явно проявляются в снижении доверия населения к государственным и общественным институтам, социальной апатии и неверии в улучшение ситуации в стране, снижении социального самочувствия, социальной поляризации, фиксируемых на общенациональном и региональном уровне, в том числе в наших собственных исследованиях.

Преыдушие периоды реализации антикоррупционной политики в России были сконцентрированы на институциональном оформлении системы противодействия коррупции, активизации участия не только специализированных комитетов и ведомств, но и представителей бизнеса, институтов гражданского общества и политических структур, формированию научных основ и просветительских форм антикоррупционной работы [6]. Новый национальный антикоррупционный план, утвержденный в 2018 году, ориентирован на совершенствование системы запретов, ограничений и требований, усиление роли персональной ответственности за коррупционные нарушения, исправление пробелов в российском антикоррупционном законодательстве и обеспечение единообразия его использования в правоприменительной практике, систематизацию и актуализацию нормативно-правовой базы. Немаловажная роль в новых доктринальных документах уделяется совершенствованию антикоррупционных мер в сфере государственных закупок, установлению порядка для использования на пользу государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, защите бизнеса, повышению

эффективности международного сотрудничества, самостоятельности и независимости органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений [5].

Отдельный раздел национального плана и целый ряд его положений касаются усиления мер просветительского характера, важности формирования «кодекса чести» государственных и муниципальных служащих, необходимости изменений общественного сознания и менталитета, формирования общественного правосознания и нетерпимости в отношении коррупции, активного участия граждан в разработке планов противодействия коррупции на региональном уровне в рамках общественных обсуждений, повышения эффективности работы пресс-служб и информирования общественности о результатах деятельности компетентных органов по профилактике и пресечению коррупционных правонарушений. С целью оценки эффективности антикоррупционной политики и ее отдельных составляющих, в том числе касающихся изменений в установках и поведении граждан, национальный план предусматривает проведение ежегодных социологических исследований, направленных на измерение уровня коррупции в регионах Российской Федерации. И хотя для реализации данной задачей предусмотрена единая стандартизированная методика, утверждаемая постановлением Правительства, проведение параллельных независимых социологических исследований не менее важно для получения как объективной, так и субъективной информации о социальных представлениях, мнениях и оценках населения о коррупции и деятельности органов власти.

Цель настоящего доклада заключается в представлении результатов социологических опросов населения, проведенных в Алтайском крае в 2018 и 2019 гг. Анкетирование проводилось по квотной выборке, и выборочная совокупность воспроизводила основные параметры структуры населения по критериям пола, возраста (от 18 до 75 лет) и местности проживания. Программа исследования включала широкий набор гипотез и соответствующих им блоков инструментария. Мы остановимся на некоторых результатах сравнительного анализа, иллюстрирующих актуальное положение дел и наиболее значимые изменения и сдвиги в мнениях и оценках населения, результатах взаимодействий с органами государственной власти и вовлеченности в коррупциогенные ситуации, реакции на них, что в целом может быть описано посредством операциональной категории «коррупционный опыт».

Одним из традиционных социологических способов измерения остроты социальной проблемы и степени ее актуализации в общественном сознании является ее сопоставление с другими волнующими общество вопросами, вычисление рейтингов их относительной важности, что не только позволяет составить своего рода «карту» проблемных зон общества, но и очертить круг «невидимых» феноменов, которые затрагивают отдельные группы, но не воспринимаются как значимые на социетальном уровне. В проведенном исследовании мы включили коррупцию в список наиболее острых вопросов и попросили оценить, насколько большую проблему они представляют для региона, используя четырехбалльную шкалу (от «очень большую» до «никакой проблемы»).

В обоих раундах проведенного исследования коррупция вошла в число наиболее острых проблем, заняв по сумме положительных ответов четвертое место после безработицы, низкого уровня жизни, отсутствия перспектив для молодежи. Между тем, несмотря на сохранность позиции в рейтинге, за год произошли значимые изменения в распределении отдельных градаций ответов. Снизилось количество граждан, которые в целом считают проблему коррупции значимой и важной (в 2018 году сумма положительных ответов составила 79,6 %, тогда как в 2019 году – 72,4 %), и более чем в два раза увеличилось количество тех, кто вообще не считает коррупцию проблемой (6,9 % по сравнению с 3,3 % в предыдущем году). Можно предположить, что такое снижение общественного интереса к коррупции связано с отсутствием большого количества громких коррупционных дел (исключение составляют несколько резонансных историй, таких, например, как дело экс-начальника управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Алтайскому краю Вадима Надвоцкого, признанного в декабре 2019 года виновным в получении 13 млн взятки и осужденного на шесть лет колонии) и рутинизацией антикоррупционной деятельности, принимающей все более организованные и привычные для граждан формы, а также смещением общественного интереса в сторону других социальных проблем. В частности, наметилась тенденция проблематизации состояния окружающей среды (+4,8 п.п.), взаимоотношений между коренным населением и приезжими, различными религиозными течениями (+9,3 п.п.) и, в особенности между представителями различных национальностей (+15,8 п.п.).

Таким образом, восприятие коррупции населением Алтайского края находилось под влиянием не только факторов, непосредственным образом связанных с ее проявлениями и антикоррупционными действиями властей, но и испытывало воздействие других социальных процессов и связанных с ними явлений.

Какие государственные и общественные институты, организации и учреждения в большей степени подвержены коррупции? Как изменяется их восприятие с течением времени и под влиянием реализуемых мер?

В 2018 году наиболее свободными от коррупции (свыше 60 % положительных ответов по шкале «честности, порядочности – нечестности, коррумпированности») жители Алтайского края считали средние школы, училища и техникумы (75 %), общественные организации по охране окружающей среды (70,2 %), армию (64,7 %), высшие учебные заведения (62,5 %), Русскую православную церковь (РПЦ) (62,0 %), соборы, службы занятости и другие социальные учреждения (61,3 %), органы национальной безопасности (такие как ФСБ) (60,8 %), правозащитные организации (60,2 %). Среди нечестных (менее 30 % положительных ответов) самые низкие рейтинги имели политические партии, средства массовой информации, власти края, службы безопасности дорожного движения, Государственная Дума и кабинет министров. Основные изменения, произошедшие за год, коснулись амплитуды оценок, которая стала более сглаженной, а оценки – менее поляризованными. Количество наиболее порядочных организаций и ведомств сократилось до трех – социальных учреждений (62,7 %), природоохранных организаций (61,5 %) и армии (60,5 %), тогда как среди наиболее коррумпированных остались только Правительство (30,2 %) и Государственная Дума (26,7 %). Между тем стоит отметить, что в целом наметился сдвиг оценок в негативную сторону (средняя разница оценок составила –2,2 п. п. и –4,4 п. – в индексном исчислении). Больше всего порядочности в глазах населения потеряли средние школы (–16,8 п. п.), РПЦ (–12,4 п. п.), поликлиники и больницы (–11,3 п. п.) и вузы (–10,0), тогда как наиболее значимых позитивных изменений добились коммунальные службы (+7,7 п. п.), средства массовой информации (+9,1 п. п.) и, в особенности, ГИБДД (+10,9 п. п.). Таким образом, очевидны две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, ведомства, которые традиционно воспринимались как наиболее коррумпированные, постепенно избавлялись от негативной

репутации, что находило отражение в общественном мнении, с другой стороны, население постепенно разочаровывалось в деятельности институтов и учреждений, которые ранее считались безукоризненно честными, поборниками морали и нравственности, а на деле оказались также поражены коррупционным «ядом».

Оценивая деятельность федеральных властей в 2019 году, большинство жителей региона по-прежнему разделяли скептические убеждения о том, что они либо совсем ничего не делают для противодействия коррупции (24,8 %) либо делают, но мало (49,6 %), тогда как с тем, что федеральное руководство «делает все возможное», согласились лишь 10,8 % опрошенных. При этом, если крайние варианты ответа («делают все возможное» и «ничего не делают») в 2018 и 2019 годах выбирались примерно равными долями участников исследования, то в пропорциях других ответов наметились существенные сдвиги. Более, чем в два раза (с 7,1 % до 14,8 %) увеличилось количество граждан, считающих, что федеральные власти «делают многое» для того, чтобы снизить уровень коррупции в российском обществе и практически на 10 % (было 59,4 %, стало 49,6 %) снизилось число тех, кто считает, что власти предпринимают мало усилий для борьбы с коррупцией (различия достоверны по критерию χ^2 , $p < 0,001$ и z-критерию). Иными словами, наблюдалась тенденция постепенного перелома общественного мнения в сторону положительной оценки государственной антикоррупционной политики, реализуемой на федеральном уровне.

Что касается региональных властей, то здесь наблюдались значимые изменения в оценке мотивации и реальных возможностей бороться с коррупцией, что прежде всего объяснялось сменой регионального руководства (избранием нового губернатора В. П. Томенко) и приходом новой команды управленцев, инициировавшей кадровые перемены и изменения в политике регионального развития. В 2018 году, отвечая на вопросы анкеты, жители региона чаще всего (43,4 %) отвечали, что руководство нашего региона может, но не хочет эффективно бороться с коррупцией, еще 27,2 % – считали, что региональные власти не могут и не хотят бороться с коррупцией. Оптимистичную позицию разделяли только 11,3 % опрошенных, уверенных в том, что власти могут и хотят противодействовать коррупции эффективно, и, наконец, 18,0 % участников исследования полагали, что власти хотят бороться с коррупцией,

но не могут ничего сделать. За год, прошедший с момента первого опроса, более чем в два раза (до 28,1 %) увеличилось количество тех, кто верил в способность и наличие реальных возможностей у регионального руководства осуществлять эффективную антикоррупционную политику, тогда как количество тех, кто указывал на отсутствие мотивации, при наличии возможностей сократилось почти на 14 п.п. ($p < 0,001$).

Полученные результаты позволяют с уверенностью сделать вывод и о повышении уровня информированности населения о мерах, которые принимают власти для борьбы с коррупцией. Статистически значимо увеличилось не только количество жителей региона, которые постоянно следят за информацией о коррупции (в 2018 году их было 6,1 %, в 2019 – стало 8,3 %), но и количество время от времени отслеживающих информацию о принимаемых мерах (с 28,6 % до 32,8 %), тогда как количество тех, кто что-то слышал, но не может сказать ничего определенного серьезно сократилось (с 36,4 % до 24,8 %). Между тем, по сравнению с прошлогодним исследованием достоверно увеличилось число тех, кто вообще не следит за темой коррупции и ничего не знает о политике федеральной власти (в 2018 году таких респондентов было 28,9 %, тогда как в 2019 году – 34,1 %, прирост составил +5,2 п.п.). Выявленные различия свидетельствовали о дифференциации жителей региона на тех, кто всерьез относится к проблеме коррупции и проявляет активность в получении информации о ней, в том числе о реализуемых мерах противодействия, и тех граждан, которые относятся к коррупции индифферентно. Последняя группа граждан имеет довольно выраженные черты. Больше всего не интересующихся коррупцией среди молодежи, в особенности в группе 19-29 лет (41,3 %), женщин (36,2 %, среди мужчин – 29,3 %), граждан, имеющих невысокий уровень образования – полное среднее или ниже (72,7 %) или начальное профессиональное (59,1 %) (для сравнения: в группе с высшим образованием этот показатель составил только 28,1 %, в группе респондентов, имеющих ученую степень – 11,1 %), индивидуальных предпринимателей и фермеров (77,4 %) и рабочих (42,1 %). Это тот контингент жителей края, который, согласно проведенному ранее анализу, имеет меньше всего возможностей участвовать в коррупционных действиях, не имея соответствующих, в том числе финансовых, возможностей.

Анализ оценок динамических характеристик коррупции на различных уровнях организации социума (страны, региона,

муниципального образования), показал, что граждане Алтайского края стали чаще испытывать затруднения с оценок масштабов коррупции, что может являться следствием утомления от избыточной и противоречивой информации, защитной реакции и нежелания стать жертвой политических манипуляций. Однако, есть и другая тенденция: жители региона значимо реже стали отмечать, что коррупции стало больше (на всех уровнях), что является индикатором пусть не одобрения, но хотя бы признания неотрицательных результатов действий различных социальных субъектов, прилагающих усилия по борьбе с коррупцией (таблица 1). Одновременно с этим, жители региона стали также чаще настаивать на отсутствии какой-либо динамики в стране в целом, а на уровне своего поселения значимо сократилось число тех, кто считал, что коррупции становится меньше (таблица 1). Особенно данная тенденция была характерна для сельской местности, где такой ответ в 2019 году дали только 12,1 % опрошенных, тогда как годом ранее их было более 22 %. Сочетание сдержанных оценок («хуже не становится, но и лучше тоже») в совокупности с нежеланием дать свою оценку происходящему характеризуют противоречивые, ближе к упадническим, настроения населения, которое не видит «прорыва» в борьбе с коррупцией, что образует потенциал для общественного недовольства, который может реализоваться в случае, если ожидания действенных антикоррупционных мер от нового регионального руководства, окажутся напрасными.

Таблица 1

Оценки жителей Алтайского края динамики коррупции в стране, регионе и своем населенном пункте в 2018 и 2019 гг., %

	Как Вам кажется, за последние два года коррупции*					
	в городе (поселке, селе)		в Алтайском крае		в России	
	2018	2019	2018	2019	2018	2019
Стало больше	22,8	17,4	32,2	21,6	49,5	34,1
Уровень не изменился	42,6	45,5	38,8	39,7	28,0	36,5
Стало меньше	12,8	10,1	9,3	9,3	9,0	8,2
Затрудняюсь ответить	21,8	26,9	19,7	29,5	13,5	21,3

* полужирным шрифтом обозначены ячейки, наблюдаемые частоты в которых значимо отличаются от ожидаемых по критерию χ^2 .

Установки и поведенческие модели в отношении коррупции, реализуемые на основе свойств менталитета и национального характера, исторически предопределенных стереотипных способов реагирования на определенные ситуации и в целом всего того, что принято называть «массовой психологией» меняются медленно и постепенно, их быстрая смена возможна только в результате «революционной» ломки сознания, которая может произойти на фоне каких-то чрезвычайных событий и обстоятельств. В этой связи, изменения в ответах на вопросы о коррупционном опыте, которые мы наблюдали за год, касались скорее не реальных изменений поведения людей в потенциально коррупционных ситуациях, а скорее в частоте их возникновения и демонстрации определенной реакции на такие ситуации в ходе интервью, что можно интерпретировать в качестве эмоциональных откликов на изменения коррупционной обстановки в стране и регионе.

Отвечая на вопрос о том, случалось ли им когда-нибудь попадать в ситуацию, когда для решения проблемы требовалось дать взятку, почти треть респондентов, участвующих в опросах в 2018 году, отвечали утвердительно, 58,6 % – отрицательно и около 10 % не могли сказать определенно. Примечательно, что количество затруднившихся с ответом было сравнительно невелико, что убедительно свидетельствовало о том, что жители региона прекрасно понимали, о чем их спрашивают и довольно хорошо умели распознать признаки, по которым можно судить, является ли ситуация сомнительной в коррупционном отношении, или нет. В 2019 году количество респондентов, которым приходилось попадать в потенциально коррупционную ситуацию, сократилось почти вдвое (до 16,2 %), тогда как ответивших на вопрос отрицательно оказалось 73,7 %.

Анализ описаний таких ситуаций показал, что в некоторые тренды остаются неизменными: чаще всего низовая коррупция наблюдается в сфере получения медицинских услуг (22,5 % ситуаций в 2018 и 22,0 % – в 2019 году). По другим направлениям взаимодействия с органами власти обстановка поменялась довольно существенно. Год назад второе место (15,7 %) прочно занимали ситуации с урегулированием правонарушений на дороге, а третье место (13,7 %) – ситуации получения услуг высшего образования, другие ситуации упоминались менее 10 % опрошенных, имеющих подобный опыт. В 2019 году, более трети респондентов отказались описывать даже в общих чертах ситуацию, в которой они оказались, что, на наш взгляд, довольно

явно указывает на рост опасений преследования граждан за коррупционные действия. Доля коррупционных ситуаций в вузах сократилась незначительно (10,0 %), тогда как при взаимодействиях с ГИБДД – более чем в три раза (!) и составила всего 5,0 %. Одновременно с этим возросла доля коррупционных ситуаций в дошкольных учреждениях (в 2018 году – 4,1 %, в 2019 году – 9,3 %). Безусловно, такой первичный анализ требует продолжения в виде досконального изучения факторов, которые могли повлиять на оценки респондентов. Однако, учитывая идентичность процедур формирования выборки и их сходную репрезентативность, полученные результаты вряд ли могут быть объяснены только сдвигами, вызванными невозможностью контролировать какие-либо параметры, и имеет место изменение самой коррупционной ситуации в регионе.

Одной из важнейших характеристик коррупционного опыта является решение, которое было принято в ситуации выбора, демонстрирующее приверженность антикоррупционным установкам или желание решить проблему неформальным незаконным путем. Наше исследование показало, что в 2019 году граждане чаще демонстрировали отказ (или по меньшей мере заявляли об этом) от дачи взятки (79,0 %), чем год назад (69,2 %), тогда как согласились дать взятку 21,0 % опрошенных (в 2018 году их было более трети – 30,8 %). При этом, структура мотивов отказа практически не изменилась, наиболее частыми барьерами являлись моральные принципы, не позволяющие опускаться до уровня взяткодателя (24,0 %) и вера в возможность добиться своего без взятки (21,7 %). Немаловажным препятствием являлось эмоциональное восприятие ситуации как «противной», «мерзкой», удержавшее около 12 % опрошенных от необдуманного шага. Одновременно с этим, для значительной части опрошенных барьерами по-прежнему выступали незнание способов дачи взятки (14,0 %) и большая сумма (10,0 %), что, в случае их устранения, могло бы привести к положительному решению и нарушению закона, эта категория граждан являлась наиболее уязвимой к рискам коррупции. Важно, отметить, что более чем в два раза выросла доля тех, кто не стал давать взятку из страха наказания. Однако, в общей структуре мотива отказа страх играл в целом весьма незначительную роль (в 2018 году этот вариант ответа выбрали всего 1,4 % опрошенных, отвечавших на данный вопрос, в 2019 году – 4 %), что свидетельствует о преобладании представлений о безнаказанности коррупции, в том числе для тех, кто дает взятки.

Таким образом, социологические исследования в Алтайском крае показали, что изменения восприятия коррупции жителями региона и их коррупционного опыта детерминированы как минимум двумя основными факторами: во-первых, сокращением количества коррупционных ситуаций за счет исключения возможностей коррупции в сфере рутинных взаимодействий граждан и представителей органов власти, и, во-вторых, постепенными изменениями отношения граждан к коррупции и коррупционерам, росту, пусть и незначительному, опасений получить наказание за коррупционные правонарушения. Немаловажную роль в наметившихся изменениях занимают оценки деятельности региональных властей, в отношении которых у многих жителей имеются надежды в преломлении ситуации. Между тем, отсутствие согласия и противоречивые социальные представления о коррупции, нежелание значительного числа граждан признать коррупцию важной угрозой нормального развития общества, наличие социальных групп, в большей степени, чем другие, уязвимых к коррупционным рискам, показывают, что для кардинального изменения ситуации сделать предстоит еще очень много.

Литература

1. *Барабаш О. В.* Концепт «коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка // *Политическая лингвистика*. 2017. № 6. С. 223–229.
2. *Воронцов С. А.* Противодействие коррупции: принуждение или убеждение? // *Философия права*. 2019. № 1 (88). С. 23–28.
3. Кудрин назвал масштабы воровства из федерального бюджета [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200114/1563384801.html>
4. Кудрин: Счётная палата в 2018 году выявила нарушения на 772 млрд рублей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/economics/kudrin-schyotnaya-palata-v-2018-godu-vyyavila-narusheniya-na-772-mlrd-rublej.html>
5. Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы. утвержден Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/>
6. *Охотский Е. В.* Противодействие коррупции: Президент Российской Федерации утвердил новый национальный план // *Право и управление. XXI век*. 2019. № 3. С. 90–98.

7. Патрушев заявил о коррупции среди исполнителей нацпроектов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2020/5ec50ee19a794713f86ebc0e>

8. Anti-Corruption Summit: London 2016. Communiqué. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/ImplementationReviewGroup/20-24June2016/V1603744e.pdf>

9. *Bratu R., Kažoka I.* Metaphors of corruption in the news media coverage of seven European countries //European Journal of Communication. 2018. Т. 33. № 1. С. 57–72.

10. *Castro A. Malhotra N., Ansari S., Phillips N.* Public Enemy Number One: Understanding and Managing Corruption in Organization and Society. HEC, 2017.

11. *Jing-Schmidt Z., Peng X.* Winds and tigers: metaphor choice in China's anti-corruption discourse //Lingua Sinica. 2017. Vol. 3. № 1. Article number: 2.

12. *Li Q., An L.* Corruption Takes Away Happiness: Evidence from a Cross-National Study //Journal of Happiness Studies. 2020. Vol. 21. № 2. С. 485–504.

13. *Rothstein B., Varraich A.* Making sense of corruption. Cambridge University Press, 2017.

PERCEPTION AND EXPERIENCE OF CORRUPTION AMONG POPULATION OF THE ALTAI REGION: WHAT CHANGED IN MINDS AND BEHAVIORS OF CITIZENS?

Maximova S. G., Omelchenko D. A., Noyanzina O. E. (Barnaul)

Abstract. *The article is based on the results of sociological surveys, conducted in 2018 and 2019 by scientists from the Institute of Social Sciences of the Altai State University in the framework of research project «Civil society against corruption» (the united sample consisted of 2369 respondents, interviewed in urban and rural settlements of the region, respondents' age from 15 to 75 years). Its main focus is on stable and changeable trends in perception of corruption and social representations about it, including evaluations of situation in the country and region, corruption in state and public institutions, experience of population to be engaged in corruption practices.*

Keywords: *perception of corruption, anti-corruption policy, corruption experience, petty corruption, public opinion, factors of corruption.*